

Николай БАХОВЕЦ

СМОТРИТЕЛЬ ДОРОГИ

Р а с с к а з

Старый велосипед скрипел на ходу и гремел плохо натянутой цепью. Стальная рама местами покрылась ржавчиной, а верхняя перекладина была обернута куском поролона, прихваченного бечевкой. Впрочем, Егора не волновал даже внушительный люфт руля. Ему нравился этот спуск по камням на шуршащем истертых покрышках велосипеде.

Он разглядывал открывшийся пейзаж.

Перед ним раскинулась огромная зеленая долина. Медленно текущая широкая и извилистая река впадала в море, виднеющееся на горизонте. Серая лента дороги, виляя между темных пятен садов и разноцветных скоплений кажущихся игрушечными домиков, таяла в складках местности. Сколько уже раз Егор проезжал здесь, но всегда наслаждался этим видом.

Гравий закончился у излома спуска, дальше уклон делался пологим, а дорога становилась гладкой — асфальтовой. Велосипед, уже не сдерживаемый хозяином, покатился плавно, перестав дребезжать. Через несколько минут показался странный дом, формой напоминавший лежащую шестигранную гайку. Потемневшие кирпичные стены с маленькими одностворчатыми окнами делали его похожим на недостроенную оборонительную башню. К одной из стен была пристроена небольшая уютная веранда, на которой, как всегда, в любимом кресле-качалке сидел Леонард.

Егор подъехал к дому, спешил и, приставив велосипед к резной балюстраде лестницы, ведущей на веранду, поздоровался с хозяином.

— И тебе здравствовать, Егорушка, — как обычно, ответил хозяин, отстранив от лица длинный изящный мундштук курительной трубки.

Прежде чем подняться по лестнице, гость обернулся и посмотрел туда, откуда приехал. Дорога уходила вверх, в ущелье, окруженное, словно стеной, отвесными скалами. Над горами висели грозные, массивные свинцовые тучи. Иногда внутри этой мрачной облачности вспыхивали молнии, яркие и длительные, каких Егор нигде больше не видел. Грохот разрядов сюда уже не доходил, но там, в горах, он был необычайно мощным и раскатистым. Эта природная аномалия висела над скалами все время, что Егор жил на этом свете.

Буквально на несколько секунд задержав взгляд на величественном и ужасающем феномене, велосипедист шагнул на лестницу и поднялся на веранду.

— Потому я тут и поселился, — сообщил Леонард. — С одной стороны — эти грозные горы, а с другой — наша долина. Я могу часами просто смотреть то в одну, то в другую сторону.

— Я знаю, — спокойно ответил Егор. — Ты уже не раз рассказывал мне это.

— Прости старика. Склероз и возрастное брюзжание...

— Можешь не приbedняться, — прервал гость. — Все мы тут примерно одного возраста.

— Ну конечно! — ворчливо прокряхтел Леонард. — Ты видел себя в зеркале? По сравнению со мной — с моими морщинами и седой бородой — ты совсем юнец.

Они оба засмеялись хорошей шутке. Затем хозяин вытащил из стоящей рядом тумбочки поднос с пузатой бутылкой и двумя рюмками и поставил на столик перед присевшим в соседнее кресло гостем. Темно-янтарная жидкость с приятным бульканьем была разлита по рюмкам, и собеседники молча, не чокаясь, выпили.

— Настоялка, как всегда, дивно хороша, — похвалил Егор, чувствуя, как по телу разливается приятная теплая волна.

— Пятилетняя выдержка, — с гордостью сообщил Леонард и, немного помедлив, дежурно спросил: — Ну и как там?

— Все так же, — привычно ответил Егор.

И оба, замолчав, выпили еще по одной.

— Знаешь, — начал более серьезным тоном хозяин, — я вот иногда думаю: к чему все это? Зачем нам это все оставили именно таким?

— Ты же сам знаешь, — ответил гость, — все люди разные, нельзя всем угодить.

— Знаю, но раньше было хоть какое-то движение, а теперь... Как давно ты кого-то встречал на дороге?

— Два часа назад, очень симпатичную девушку, — спокойно сообщил Егор. — Думаю, где-то через полтора часа она будет тут.

Леонард открыл было рот, собираясь что-то ответить, но неожиданно замер, затем, мотнув головой, впился в Егора пристальным взглядом.

— И ты не подбросил ее сюда? — возмутился он.

— Я предложил, но она отказалась.

— Хм... — Старик погладил бороду. — Неудивительно, учитывая, что у них там творится.

— Да, — согласился Егор, — хорошо, что не выстрелила.

Хозяин кивнул, а затем улыбнулся.

— Давно я, Егор, в горах не был... Начал забывать, каково на той стороне.

— И хорошо. Нечего тебе там делать, Лео. Налей лучше еще.

И они снова молча выпили.

— Ладно. — Хозяин закрыл бутылку пробкой. — Если ты надо мной не потешаешься, то надо готовиться к встрече с гостьей.

Егор лишь вздохнул, провожая Лео взглядом. Он понимал, почему того так взволновало это известие. Для него самого появление человека

на дороге не было рядовым событием, настолько редко это сейчас случалось. Однако воодушевление Леонарда казалось ему забавным. Они не должны были оказывать путникам какие-то почести, но Егор тут гость, и не ему вмешиваться в дела хозяина дома. К тому же он уважал старика и всегда помнил, что именно Леонард передал ему велосипед. Тогда стальной конь был совсем новенький... Впрочем, бывший владелец ни разу не высказывал претензий к текущему состоянию двухколесного.

Девушка появилась как раз через полтора часа: уж что-что, а дорогу Егор извездил и даже исходил настолько досконально, что хорошо знал, сколько времени нужно затратить на конкретный ее отрезок. К приходу гости они с Лео хорошо подготовились: на печи томился добротный ужин, горячий пирог был покрыт свежим полотенцем, а кипятик в самоваре подогревал чайничек с заваркой.

Увидев двоих мужчин, незнакомка замерла, а затем, сняв с плеча автомат, двинулась вперед медленно, держа оружие наготове. Одета она была в бесформенную, песочного цвета куртку, такой же расцветки штаны в стиле милитари и тяжелые походные ботинки. Дополняли воинственный образ несколько магазинов для автомата и большой армейский нож на поясе. Черный рюкзак на левом плече, черная же коса, в которую аккуратно сплетены зачесанные назад волосы. Фигуру оценить было сложно, но по осанке и тому, как легко и точно гостя двигалась, было понятно, что она в хорошей спортивной форме. Верхнюю часть миловидного лица с прямым носом и тонкими губами скрывали большие солнцезащитные очки.

Подойдя шагов на десять, девушка остановилась и настороженно спросила:

— Это здешний блокпост?

— Нет-нет, — максимально мягко ответил Леонард. — Это лишь мое скромное жилище.

— И кто вы такой — местный комендант?

— Ну что вы! — Старик улыбнулся. — Максимум местный привратник. Встречаю таких, как вы, и помогаю определиться, куда им идти дальше. Позвольте представиться — Леонард, для прекрасных дам просто Лео.

И он театрально поклонился.

Девушка повернула лицо и ствол автомата к Егору.

— А вы недавно обогнали меня на дороге.

— Да, и вы зря не согласились на мое предложение подвезти, — заметил он. — Уже давно пили бы с нами чай.

— Я не подсаживаюсь на раму к незнакомцам, — с иронией заявила гостя.

— Долго ли познакомиться, — фыркнул он и спокойно сообщил: — Я Егор, смотритель дороги.

Девушка дернулась после его слов, словно ей в голову ткнули раскаленной иглой. Егор хорошо помнил, как подобное произошло с ним,

когда давным-давно ему представился зритель. Воспоминания — или все же знание? — накрыли так внезапно и сильно, что он тогда с трудом удержался на ногах. И теперь отдал должное незнакомке: она лишь вздрогнула, мотнула головой — и уже снова направляла на них ствол автомата.

— Да уберите вы уже эту штуку! — возмутился Лео. — Все равно в долине порох не горит. Можете проверить.

— Как это? — растерянно спросила девушка.

Потом задрала ствол в небо, нажала спуск — и выругалась. Вместо грохота выстрела прозвучал лишь щелчок.

Незнакомка ловко передернула затвор, скидывая давший осечку патрон, и попробовала снова — с тем же результатом. После четвертой попытки она отстегнула магазин, видимо решив, что его содержимое бракованное, вставила новый и, вновь попытавшись стрелять, выкинула на дорогу еще пять патронов.

Поняв тщетность своих попыток, она растерянно посмотрела на мужчин и опустила оружие стволом в землю.

— Я же говорил! — победно изрек Леонард. — Все эти военные игрушки работают там, в горах, а тут у нас тихий и спокойный край.

Несколько секунд гостья просто стояла и морщила лоб, видимо, что-то вспоминая. Затем выпустила оружие, и автомат с грохотом упал на дорогу.

— Я Марина, — как-то обреченно представилась она.

— Очень приятно, Марина, — весело произнес Лео и позвал: — Давайте уже к столу, а то чай стынет. Знаю, у вас много вопросов, но на голодный желудок какие разговоры...

Она сняла очки и пристально смерила его и Егора взглядом больших светло-голубых глаз, затем утвердительно кивнула и направилась к дому. Но, уже ступив на лестницу, вдруг замерла и, еще раз оценивающе посмотрев на мужчин, заявила:

— Вы не думайте, что я осталась без оружия! — Она демонстративно выхватила нож. — С ним я обращаюсь очень умело.

— Не сомневаюсь, — со вздохом сообщил Леонард. — Понимаю тамошние привычки. Но поверьте, самое страшное, что мы хотим с вами сделать, — это угостить пирогом.

— Сколько раз вас убивали? — серьезно спросил Егор.

— Много, — помедлив с ответом, мрачно произнесла девушка. И добавила: — Это всегда очень больно...

— Больше вам не придется умирать. Если, конечно, вы не решите вернуться обратно в горы.

— Вы так уверены? — Она скептически подняла брови.

— Я точно знаю, — заверил Егор. — Каждая местность оказывает влияние на живущих там людей. Горы — самое опасное и мрачное место. Но вы ступили на дорогу и спустились в долину. Здесь жизнь легка и беззаботна, здесь даже соседи никогда не ссорятся.

— Разве так бывает? — удивилась она.

— Вы сами знаете, что да. Когда-то вы уже здесь жили, Марина. Не удивляйтесь, я смотритель дороги и помню всех, кто когда-либо ступал на нее. Вы тоже вспомните, как только рассеется влияние гор.

Она нахмурилась и некоторое время буравила его испытующим взглядом. Затем, немного поиграв с ножом — демонстрируя, насколько ловко она с ним управляет, — вернула оружие в ножны.

— Что же, — примирительно начала она и даже улыбнулась, — пирог — это замечательно. Я несколько дней питалась исключительно сухпайком. — И, поднявшись на веранду, села за стол.

Смирно стоявший все это время Леонард сразу засуетился. Его стараниями перед гостьей появились тарелки с источающими аппетитнейший аромат блюдами. Марина принялась за еду. С каждым кусочком она словно добрела, в глазах появились искорки жизни, она все чаще улыбалась и, похоже, сама была готова начать шутить.

Егор не сомневался, что так и произойдет, поэтому, кивнув Лео, потихоньку спустился с веранды и, взяв свой велосипед, вышел на дорогу. Теперь гостья больше не могла его увидеть: она уже пришла куда хотела и дорога отпустила ее — по крайней мере, до того момента, пока Марина не захочет вновь покинуть долину.

Автомат черным, чужеродным пятном лежал посреди дороги — там, где его бросила девушка. Егор медленно подошел к оружию и наступил на него. Асфальт под вороненой сталью пошел волнами, и смертоносный ствол погрузился в дорожное полотно, словно в болото. Это была одна из функций смотрителя — очищать дорогу от мусора, чтобы идущих по ней людей ничего не отвлекало.

Разобравшись с автоматом, Егор сел на велосипед и поехал в сторону моря. Спешить было некуда: он чувствовал, что никто больше не идет по дороге и, скорее всего, в ближайшие несколько лет только он будет топтать это идеально ровное покрытие. Времена, когда по дороге шли целые потоки путников и прежние смотрители едва справлялись со своими обязанностями, остались далеко в прошлом. А теперь все устоялось, и он, единственный смотритель, большую часть времени просто проезжает по ней, не уставая наслаждаться открывающимися видами.

Какой-то древний мыслитель сказал, что люди сами не знают, чего хотят. Он ошибался: люди точно знают, чего хотят, просто им нужно многое испытать, чтобы понять это. Дорога дает такую возможность: ступив на нее, человек идет туда, куда, как он думает, ему хочется. Но нужно ли ему это на самом деле, он поймет, только попробовав. Большинство уже нашли свое место, но это не значит, что дорога больше не нужна: люди меняются и снова начинают искать.

Сегодня спуск с гор ничем не отличался от тысяч других. Если в прошлый раз, неделю назад, Егор встретил на дороге девушку, то сейчас путь был совершенно безлюдным.

Леонард уже ждал его на веранде. К тому же Егора дождался богато сервированный стол.

— Извини, но сегодня я один, — с порога сообщил Егор.

— Нисколько в этом не сомневался. Если бы на дороге появился еще один путник, это было бы уже ЧП, — рассмеялся Леонард.

— Тогда по какому поводу пиршество?

— Да просто... — Старик пожал плечами. — Мне захотелось — и вот приготовил для тебя.

— Спасибо.

Егор сел за стол и пододвинул тарелку с супом, над которой поднялся чудесный аромат.

Разговор поначалу зашел не о высоком, как по обыкновению, а о Марине. Еще бы, такое событие — в их-то повседневном болоте! Но не удержались и опять съехали на судьбы и моральный выбор.

— Знаешь, в какой-то мере это, конечно, хорошо, что люди нашли свое счастье, — задумчиво произнес Леонард. — Но ведь при этом они почти остановились в развитии! Все сидят там, где им хорошо.

Он затыкнулся трубкой и, выпустив несколько колечек дыма, продолжил:

— Визит нашей последней гостьи показывает, что еще не все застыло. Но сколько лет мы будем ждать появления следующего путника?

— Долго. Но так ли уж это плохо? В этом и была цель.

— Возможно, но ведь любое движение лучше застоя.

— Ага, конечно! Войны, революции, бунты... — начал перечислять Егор. — Сплошное удовольствие от движения по трупам.

— Мне кажется, ты передергиваешь, — скривился Лео.

Егор промолчал.

— Ладно, согласен, — тяжело вздохнул старик. — Люди — они такие. Может, так и лучше.

— В любом случае это был не наш выбор. Не нам и решать, как было бы правильнее, — грубовато подытожил Егор и, поднявшись, добавил: — Спасибо за угощение, мне пора. Дорога ждет.

Уезжал он совершенно спокойно. В таком ключе они с Лео расставались не раз. Споры для того и придуманы, чтобы обе стороны гнули свое. Независимо от результата их дискуссий, он был совершенно уверен, что в следующий раз друг будет, как обычно, рад его видеть.

За размышлениями Егор чуть не проскочил дом Марины — двухэтажный, кирпичный, с лепниной и черепичной крышей. Стоящий у дороги, этот дом долгое время пустовал. Сейчас же на крыльце с горшками, из которых раньше торчали засохшие стебли, колдовала хозяйка, сажая новые цветы. О ее возвращении с гор говорили только непривычно спортивная для этих мест фигура и военная отточенность движений, когда она брала в руки совок или нож. Сменившая военную одежду на пестрое платье девушка стала еще прекраснее, а главное — ее лицо сейчас выражало такое умиротворение, что Егору даже жаль было его нарушать.

Он спешил и некоторое время просто наблюдал за ней. Пока он на дороге, Марина его попросту не видит. Весь вопрос был в том, выходить ему или нет. Если он выйдет к ней сейчас, она его вспомнит. Если не выйдет, то за неделю, до его следующего объезда, — забудет полностью.

Так работает здесь любая местность, и долина не исключение. С памятью о том, что было в горах, Марина вряд ли смогла бы спокойно жить, поэтому воспоминания постепенно размываются, иногда возвращаясь в тяжелых снах, а со временем погружаются глубоко в подсознание. Но какой-то опыт остается, и его достаточно, чтобы человек избегал мест, где ему не понравилось. Снова потянуть туда, где он уже жил, может, только если это и есть искомый идеал.

Видимо, для Марины идеалом была долина, потому что сейчас она определенно выглядела счастливой.

Стоит ли вмешиваться в это счастье? Никакие правила не запрещали Егору сойти с дороги и заговорить с кем угодно, проблема была лишь в одном: дорога останавливала регресс памяти и даже обращала его вспять. Смотритель был частью дороги, а значит, обладал теми же свойствами.

Если он выйдет сейчас, то Марина точно вспомнит их встречу у Лео. Но при этом она может вспомнить и что-то еще из того, что было в горах, а Егор не мог предугадать, что это будет и насколько сильно на нее повлияет. Одно он знал точно: если сейчас не сойдет с дороги, то при следующей встрече будет для Марины обычным незнакомцем.

Тяжело вздохнув, Егор положил велосипед наземь и, сделав несколько шагов, вышел на обочину.

В этом месте дорога проходила через небольшой поселок в пару десятков домов, практически совпадая с его центральной улицей. Стоило Егору сойти с идеально ровного асфальта на обочину, как он оказался на мощенном плиткой тротуаре.

Погода, как обычно в долине, была превосходной — ярко светило солнце, а несущий прохладу ветер раздувал по небу легкие белоснежные облака. Тут всегда была комфортная температура — в отличие, например, от каменного пика, где постоянно бушевали шторма, а ледяной ветер не давал выйти на улицу без теплой одежды. Но даже там кто-то жил и был счастлив.

Марина обернулась, словно почувствовав его, и, увидев, замерла. Радость медленно сползла с ее лица, а глаза расширились, словно от страха. Впрочем, она быстро взяла себя в руки и, вернув улыбку, произнесла:

— Я вас помню, смотритель.

— Здравствуйте, Марина.

— Ой... — Она смутилась. — Здравствуйте! Извините.

— Не извиняйтесь, я понимаю, вы не ожидали меня увидеть.

Она кивнула и, немного помедлив, добавила:

— Я вообще чуть не забыла вас. Столько забот, дом совсем запущен... А вы?..

Она осеклась и смущенно отвела взгляд.

— Проезжал мимо, вот и решил проверить, как вы тут устраиваетесь, — ответил Егор на незаконченный вопрос.

— Все хорошо, смотритель. Вот цветами занимаюсь... — начала она и вдруг засуетилась: — Что же это я вас на улице держу! Проходите! Хотите, я чай или кофе сделаю?

— От чая бы не отказался. — Он невольно улыбнулся, глядя, с какой поспешностью девушка снимает рабочие перчатки.

— Вы уж извините, я еще в процессе уборки, — сказала Марина, когда они вошли в дом.

— Ничего страшного.

Егор огляделся, отмечая, что тут, похоже, развернута инвентаризация. На полу грудой лежали вещи, часть была уже разложена по назначению, остальные ждали своей очереди.

Девушка провела его на кухню. В отличие от холла, здесь царил идеальный порядок.

— Прошу вас, присаживайтесь. Я сейчас приготовлю чай.

Егор сел у небольшого кухонного столика и не без удовольствия наблюдал за суетящейся хозяйкой.

Минут через пятнадцать, когда горячий чай был разлит по кружкам, Марина устроилась напротив Егора за столом и нерешительно взглянула на него.

— Да, — ответил он на незадаанный вопрос, — смотрители обычно не навещают тех, кого провожали. Но это не запрещено. А поскольку вы единственный странник за последние пять лет, можете считать это просто визитом вежливости.

— Ясно, — ответила она.

И в этот раз совершенно не смутилась: в ней, видимо, стало больше от той Марины, что передергивала затвор у домика Лео. Память возвращалась, пусть не быстро, а вместе с ней и уверенность. Когда тебя в присутствии смотрителя захлестывают воспоминания о недавних событиях, о которых ты уже почти забыл, мало кто может сохранять хладнокровие. Марина, снова отметил Егор, держалась очень неплохо.

— Тогда, у Леонарда, — прервав затянувшуюся паузу, начала она, — вы говорили так, словно уже знали меня раньше...

— Знал, — ответил Егор. — Смотритель всегда помнит, как человек шел по дороге, ведь мне нужно указать ему путь или дать совет, если он сам не может принять решение.

— И как часто я ходила по дороге?

— При мне это был второй раз. Но смотрители меняются. Я помню только своих ходоков.

— Ходоков... — Девушка хмыкнула и, похоже, увязла где-то в своих воспоминаниях, опустив взгляд в чашку.

— Что-то вспомнили? — спросил он.

— Вспомнила, как попала на дорогу, — медленно, словно нехотя, ответила она.

— Расскажите.

— Вам-то это зачем? — Марина подняла на него удивленный взгляд.

— Мне интересно. Я помню, как дорога влекла меня. Хотелось бы услышать вашу историю.

Некоторое время Марина молчала, затем тяжело вздохнула.

— Хорошо, смотритель, я расскажу вам... Но только если вы пообещаете рассказать мне, как я отправилась в горы!

— А вам, смотрю, палец в рот не клади. — Егор благодушно улыбнулся. — Что же, это справедливая сделка, я согласен.

Она тоже улыбнулась — победно, но совсем ненадолго, так как начала погружаться в далеко не радостные воспоминания.

— Дорога однажды мне приснилась. Настолько ярко и четко, что я запомнила место, только была уверена, что никакой дороги там нет — просто небольшое ущелье в горах, причем под контролем противника. Вначале даже не придавала значения — мало ли что может присниться. Но образ возникал, стоило только закрыть глаза. Пришлось даже напроситься в разведку, которая проходила в том районе.

Она сделала паузу, отхлебнув уже остывшего чая, и Егор этим воспользовался:

— И, конечно, дорога была там на самом деле?

— Верно, но видела ее только я. Спросила разведчика, и он сказал, что нет никакой дороги, а потом до самой базы странно на меня косился. Пришлось на несколько дней затаиться. Однако сон все возвращался, и я, собрав бойцов своего отряда, соврала им. Сказала, что командование поставило задачу любой ценой уничтожить огневую точку противника в том районе. Все понимали, что это самоубийственная вылазка, но никто не спорил.

Она снова замолчала и стала нервно вертеть в пальцах чайную ложку.

— Смерть там лишь условность, — решил подбодрить девушку Егор.

— Нет! — выкрикнула она и, словно сама испугавшись своей реакции, зажала ладонью рот.

Почти минуту они сидели молча, пока Марина не совладала с нахлынувшими чувствами и не опустила руку.

— Вы не поймете... — Голос ее срывался. — Да, умираешь только до утра следующего дня. Но умирать очень больно! И это тактическое поражение — если ты умер, ты уже не можешь сдерживать врага, даешь ему преимущество... Там никто не считает это игрой, война идет всерьез. Мне сложно это объяснить.

— Конечно, сложно, — спокойно произнес Егор. — Потому что это правила той местности. Она ведь не для развлечения такой создана, а для тех людей, чье существование — постоянная война.

— Вот так все просто! — со злостью воскликнула Марина. — Мы там умирали, а это все *просто местность!*

Смотритель развел руками, понимая, что любой ответ будет равносильен выбрасыванию красной тряпки перед разъяренным быком.

Некоторое время девушка буравила его злобным взглядом. Ложку в руке она при этом держала на манер ножа. Егор не сомневался: Марина

легко может убить его этой ложкой. С гор все возвращаются с развитым инстинктом убийства, даже такие, как она.

Проследив за его взглядом, Марина увидела ложку у себя в руке и отбросила ее, словно та обожгла ей руку. И стала большим пальцем другой руки растирать ладонь, как будто хотела унять боль.

— Видите... — севшим голосом произнесла она, и ее глаза заблестели, а по щекам покатились слезы.

— Ну-ну, успокойтесь... — Егор встал и виновато добавил: — Извините, я не хотел вас расстраивать. Видимо, мне лучше уйти...

— Стойте, — всхлипнув, хрипловато произнесла она и, сердито вытерев лицо, уже твердо закончила: — Мы заключили сделку — я рассказываю вам, вы — мне. И я еще не закончила.

Смотритель, хмыкнув, вернулся на стул.

— Что же, рассказывайте, я больше не буду перебивать.

Марина встала, налила себе чай, вернулась к столу и, немного отпив, принялась массировать виски, собираясь с мыслями.

— В общем, мне пришлось обманом заставить своих людей предпринять эту вылазку. Вначале все шло хорошо — мы, подавив пару огневых точек противника, приближались к цели. По плану, у дороги я хотела скомандовать всем отход, а сама уйти по ней. Но когда до нее оставалось метров двести, рядом разорвалась мина. Мне сильно посеколо осколками ноги, так что я не могла даже стоять, не то что идти...

Марина сделала пару глотков чая, как будто у нее пересохло в горле.

— В общем, все пошло не по плану. Сержант решил прекратить операцию и доставить меня в лагерь, а там бы, узнав про мою самостоятельность... Словом, я до дороги могла бы и вовсе не добраться. Пришлось приставить пистолет к своей голове и выдвинуть ультиматум: или они идут дальше, оставив меня тут, или я застрелюсь, чтобы не задерживать их. Сержант повел отряд дальше, но оставил мне одного солдата для охраны.

Она помолчала и, тяжело вздохнув, продолжила:

— Я попросила парня высунуться из-за камней посмотреть, что происходит. И когда он выглядывал, я выстрелила ему в затылок — чтобы не больно и сразу... Будь я на ногах, может, просто оглушила бы. А так...

Говоря это, Марина что-то разглядывала на дне своей чашки. Егор, как и обещал, терпеливо ждал, хотя совершенно не понимал этой рефлексии. Все, кто умирает в горах, возрождаются в пять часов утра, так что это нельзя считать настоящей смертью. Видимо, местность влияла на участников этой вечной войнушки таким образом, чтобы они не считали происходящее фарсом.

— В общем, я поползла к дороге, — продолжила Марина. — Противник меня заметил и даже обстрелял. Попали в плечо, пришлось затаиться, прикинуться мертвой. Видимо, враги купились, потому что потом, когда я поползла снова, никто по мне не стрелял. Самые тяжелые сто метров в моей жизни... Ну мне так кажется.

Марина наконец подняла взгляд на Егора.

— А когда я коснулась дороги, все мои раны исчезли, словно их никогда и не было! Даже одежда оказалась чистой и целой.

— Неудивительно, — ответил он. — Дорога хранит тех, кто по ней идет, скрывает от чужих глаз и излечивает от любых ранений.

— Прямо магия какая-то.

— Верно. Дорога, в определенном смысле, и есть настоящая магия. Только благодаря ей наш мир существует в гармонии.

— Разве то, что творится в горах, это гармония? — возразила Марина.

— А разве нет? Те, кто там сейчас и не видит дороги, — разве они не счастливы? Пусть по-своему, не так, как остальные, но все же.

— Но ведь я же не была там счастлива, — парировала она.

— Поэтому дорога и увела тебя оттуда, — спокойно ответил смотритель. — Гармония была восстановлена.

Она замолчала, понимая, что ей нечего ответить.

— Что же, — начал Егор, вспомнив об их уговоре, — я обещал рассказать о нашей первой встрече.

Марина сразу оживилась и закивала.

— Это было пять лет назад. Я почувствовал, что на дороге появился кто-то сомневающийся, и нашел тебя тут, прямо возле этого дома. Ты была в белой блузке, джинсах и с походным рюкзаком. Весьма легкомысленный наряд для того места, в которое ты собралась.

— А я собралась в горы, да? — уточнила девушка.

— Да, только тогда на мой вопрос, куда ты направляешься, ты спросила: «А что это за черные тучи постоянно висят над теми горами?» А услышав ответ, заявила, что собираешься туда, чтобы эти тучи развеять.

— Значит, я была глупа и самонадеянна, — мрачно усмехнулась Марина.

— Самонадеянна — да. Глупа? Не думаю.

— И вы, смотритель, даже не попробовали отговорить меня?

— Почему же, пробовал. Это одна из наших обязанностей — направлять и вразумлять тех, кто ступил на дорогу. Я и пробовал вразумить, но это лишь укрепляло твою решимость идти в горы. Пришлось сдаться и отвезти прекрасную незнакомку на войну.

Марина смущенно опустила взгляд после его последних слов и тихо ответила:

— Я дура и чудовище...

— Почему же чудовище? Скорее, наоборот. Порывы были самые благородные.

— К дьяволу порывы! — со злостью ответила она. — Я целых пять лет бегала там и убивала людей! Причем довольно-таки успешно. Я еще помню...

Егор промолчал. Не было смысла сейчас ее утешать, отчасти она была права. Если человек попадал не туда, он редко задерживался больше чем на полгода, а ей, пусть и какое-то время, было по душе то, что там происходило.

Вообще, сейчас смотритель был несколько обескуражен ее реакцией. Там, в доме Лео, он понимал, что она, если захочет, легко убьет их обоих. То, что девушка, поначалу желавшая развеять темные тучи, после пяти лет в горах стала машиной смерти, само собой разумелось. На войне

нельзя не измениться, а тут еще и влияние местности. Поэтому сегодняшнее неожиданное самоедство казалось ему неестественным. Впрочем, Егор не разбирался в женской психологии, так что списал все на стресс, вызванный возвращением почти угасших воспоминаний.

— Я, наверное, пойду. — Он встал. — У меня еще впереди длинный путь, а вам наверняка есть чем заняться и о чем подумать.

Марина окинула его внимательным взглядом, а затем неожиданно с надеждой в голосе спросила:

— Вы еще придете, смотритель?

— Меня Егором звать, — вместо ответа напомнил он.

Обращение «смотритель» его в принципе устраивало, но из ее уст это слово звучало как-то слишком сухо и официально. Видимо, привыкла в горах к людям по званиям обращаться.

— Смотрителю нет необходимости посещать тех, кому он помог на дороге. — Он все же решил ответить на ее вопрос. — Но если вам, Марина, хочется поговорить с Егором, то я могу заехать при следующем обходе.

— Да, Егор, мне очень хочется вас еще раз увидеть... как интересного человека и собеседника.

Егор внутренне усмехнулся. Вряд ли он был для нее приятным собеседником.

— До свидания, Марина, — попрощался он и направился к двери.

— До встречи, Егор, — донеслось ему в спину.

Уже на дороге, немного отъехав от ее дома, он остановился и обернулся на стоявшую на крыльце девушку. Марина не могла его сейчас видеть и не знала, в какую сторону он поехал, но каким-то образом угадала направление и смотрела ему вслед.

Егор вздохнул, оттолкнулся от серого асфальта и, поставив ногу на педаль, поехал в своем привычном темпе. Он решил, что заглянет к ней во время следующего объезда. Она не успеет все забыть, а значит, разговаривать им будет интересно. Все же от Лео он уже начал уставать, хоть и не желал признаться себе в этом.

Прошла неделя. На дороге было пустынно и спокойно. Егор, как обычно, заскочил к Леонарду, стараясь ничем не выдать, что потом собирается еще на одну встречу. Почему-то он волновался. На самом деле не следовало заезжать к Марине и в первый раз. Он прекрасно понимал, что сегодня снова всколыхнет ее память, лишив безмятежности. Вот только красивых девушек, которые его не помнят, но при этом будут дружелюбно рассказывать, как замечательно у них прошел день, в этом мире хватало. А таких, что пришли самостоятельно с гор в долину и пытались угрожать смотрителю оружием, больше нет. Такая лишь одна, уникальная, на весь этот мир. И если он не посетит ее сегодня, она вскоре пополнит ряды беспмятных красивых и дружелюбных.

Поэтому, как можно скорее распрощавшись с Лео, Егор направился вглубь долины — к знакомому дому.

Марина сидела на лавочке у крыльца, на этот раз в длинном зеленом платье, и задумчиво теревила наброшенный на плечи платок. Егор оставил велосипед на дороге и, не задерживаясь, направился к девушке. Она вздрогнула, когда он вдруг появился перед ней, как будто из ниоткуда.

— Смотритель? — словно не веря, что видит его, спросила Марина и тут же растерянно добавила: — Я помнила, что кто-то придет сегодня... кто-то важный... но забыла кто. А теперь вспоминаю, что это вы, Егор.

— Да, это я, — подтвердил он, следя, как с пробуждением воспоминаний в ее взгляде появляется осмысленность.

Некоторое время они просто стояли и смотрели друг на друга. Наконец Марина спохватилась:

— Что же это я... Пойдемте, Егор! Я обед приготовила и навела в доме порядок, давайте я вам покажу.

Егор улыбнулся и, одобрительно кивнув, направился за девушкой в дом.

В этот раз у них не было сложных разговоров и душевных бесед. Они словно знакомились друг с другом, просто болтая о том о сем, рассказывая те немногие истории из своей жизни, которые помнили. Точнее, Егор-то помнил все, даже то, что сейчас предпочел бы забыть, а вот с Мариной все обстояло сложнее: ее воспоминания были фрагментарны и довольно скудны. Полностью их открыть ему не под силу, да и не нужно — ей же будет лучше.

Так за столом и разговорами они просидели до самого вечера. Егор спохватился: дорога, конечно, пуста, но необходимо проехать еще много километров, прежде чем он достигнет ее конца.

Марина, вышедшая его проводить, уже на улице спросила:

— Мне ждать тебя, Егор?

— Да, — ответил он, в этот раз не раздумывая. — Через неделю в это же время.

— Почему через неделю? — спросила она. — Неужели дорога такая длинная?

— Нет, дорогу я проезжаю, если без остановок, за девять часов, но в конце пути засыпаю и сплю ровно неделю.

— Так долго? — удивилась она.

— Это плата за то, что я все помню, по-другому нельзя, — ответил он и, уже поворачиваясь к дороге, добавил: — До свидания, Марина.

После чего быстро пересек невидимый барьер и, подняв велосипед, некоторое время стоял, глядя на девушку, которая, уже не видя его, просто смотрела в пустоту и задумчиво улыбалась.

Наконец Марина повернулась, пошла к крыльцу — и только тогда Егор сел на велосипед и поехал. Это было странно. Неужели она вызвала у него какие-то чувства? Определенно да, вопрос только — почему? Ответ был очевиден: он хоть и смотритель, но все же обыкновенный человек со всеми человеческими слабостями и эмоциями.

Неудивительно, что в следующий объезд Лео встретил его долгим проницательным взглядом, а затем фыркнул и изрек:

— Ты определено влюбился, мальчик мой.

— С чего ты взял?! — несколько опешил от такого «приветствия»

Егор.

— Думаешь, у меня нет глаз? — усмехнулся старик и добавил: — В прошлый раз ты так быстро куда-то засобирался, поэтому я на следующий день ходил в гости к нашей общей знакомой, и... Видел бы ты, как она улыбается, когда говорит о тебе!

Леонард засмеялся и, заметив, как смутился Егор, замахал руками:

— О нет-нет, не обращай внимания на старого дурака! В этом нет ничего плохого, Егорушка, я ведь тоже когда-то был молодым. — И он подмигнул, а затем продолжил: — Только, друг мой, ты сам понимаешь, что зритель не может полноценно насладиться любовью. Будешь приезжать — и каждый раз она будет вспоминать, а потом, когда ты уедешь, постепенно забывать и маяться. Марина, конечно, девушка крепкая, но однажды и она вконец измучается.

— Предлагаешь оставить и забыть? — Егор сник.

— Я ничего не предлагаю. — Старик затыкнулся трубкой. — Решать только тебе, друг мой, только тебе...

Егор приезжал к Марине регулярно, но для него их роман длился всего одиннадцать дней, а для нее прошло два с половиной месяца. Когда они встречались, то вместе гуляли, ходили в ресторан и театр — других развлечений в долине не было. Впрочем, им достаточно было и просто сидеть на балконе Марининого дома и смотреть на синее море вдаль. Пару раз Егор свозил ее на своем велосипеде на побережье.

Но кое-что начало его пугать. Если поначалу девушка вела себя как и полагается — почти забывала его к моменту очередной встречи, то в последние их встречи она все помнила. Так не должно было быть. Возможно, причиной тому стали его постоянные визиты, и если это так, то нужно было их прекратить. Только он уже не мог, не представлял, как будет жить без нее, без их обычного общения. Конечно, если пропустить пару дней, Марина никуда из долины не денется, но забудет его и станет уже совсем другой.

Однако и то, что она все больше и дольше помнит, было ненормально и плохо. Если с ней что-то случится, это будет по его вине...

С такими неприятными мыслями он остановился у домика Лео, намереваясь спросить совета у старика, и вдруг почувствовал, что кто-то вышел на дорогу. Нет, не кто-то — на дорогу вышла она! Егор даже привстал, давя на педали, чтобы быстрее набрать скорость. Прекрасно понимая, что Леонард сильно удивится, увидев уезжающего друга.

Марина стояла на дороге в том же виде, в каком он увидел ее в горах, — в военной форме. Разве что вместо оружия она держала в руках рюкзак.

— Приветствую вас, зритель, — произнесла она.

— Марина, — удивленно начал он, — что происходит?

Она тяжело вздохнула и как бы нехотя ответила:

— Разве не очевидно? Я хочу уйти из долины.

— Но поче... — начал было он, но она остановила его, выставив перед собой ладонь.

— Все просто — я так больше не могу. Каждый раз, когда ты уезжаешь, начинается настоящая пытка, я забываю... каждый день забываю все больше, ты не представляешь, каково это... — Марина замолчала, и он понял, что она отчаянно сдерживает слезы. Наконец, шмыгнув носом, девушка продолжила: — Я вела записи, чтобы каждое утро читать и вспоминать, но это давалось очень тяжело. Поэтому я проснулась сегодня и увидела дорогу.

— Все верно. — Егор мрачно усмехнулся. — Человек не может оставаться там, где несчастлив.

Она кивнула, подтверждая его вывод.

— И куда ты хочешь отправиться? — как можно более деловито спросил он.

— Туда, где будет много всего. Где будет куча людей и забот. Где я... — Она замолчала и отвела взгляд.

— Где ты не будешь думать обо мне, — закончил за нее Егор и, снова перейдя на безразлично-деловой тон, сообщил: — Думаю, портовый город подойдет как нельзя лучше.

— Везите, смотритель, — согласилась Марина и, подойдя к нему, уселась на раму велосипеда.

— Ну что же... — зачем-то сказал он и, оттолкнувшись, стал набирать скорость, несколько виляя: ехать с пассажиркой было тяжелее.

Некоторое время они молчали. Неожиданно девушка подалась к нему, прижалась лбом к его шее, и он услышал, как она очень тихо произнесла:

— Прости меня, Егор, прости...

Он не ответил, и дальше они продолжали путь, слыша лишь скрип и брэнчание старого велосипеда.

Егор остановился посреди большой улицы. По тротуару непрерывным потоком куда-то спешили люди, а по проезжей части наверняка двигались автомобили, но в пространстве дороги они с Мариной видели лишь примыкающую к пешеходной дорожке серую ленту идеального асфальта.

Марина спрыгнула с рамы и, грустно посмотрев на него, произнесла:

— Прощай, Егор. — Затем повернулась и неспешно пошла к краю дороги.

Почти возле самого барьера она остановилась, словно в нерешительности. На какой-то миг у Егора в душе забрезжила надежда. Но девушка резко обернулась, только чтобы попрощаться.

— До свидания, смотритель! — сказала она спокойным звонким голосом и, ступив на тротуар, быстро растворилась в толпе.

Егор спешил и, используя велосипед как опору, замер, силясь разглядеть в разношерстном потоке людей знакомую фигуру. Сколько прошло времени, он не мог сказать, но предплечья, которыми он опирался на руль,

затекали. Он перекинул ногу через раму, немного поерзал, устраиваясь в седле, и тяжело вздохнул, прежде чем, оттолкнувшись, начать движение.

Велосипед летел как никогда быстро, ветер завывал в ушах. Егору было о чем подумать. Марина умна и чертовски проницательна: она попроцалась с Егором, но не исключила встречу со зрителем! Об этом же ему говорил и Лео.

А значит, следовало четко решить, кто же он — зритель или Егор. Сейчас — прежде всего зритель, хотя в последнее время Егора в нем становилось все больше. Жизнь, которую он ведет, — это путь зрителя. Если появится кто-то на смену, Егор уступит ему свое место и будет его помощником и консультантом. Совсем не факт, что они с новичком станут друзьями, как получилось у них с Лео. Новый зритель вполне может не навещать своего предшественника или быстро найти себе замену. В любом случае Егор станет обычным человеком, таким же, как Марина, и быстро забудет все, что сейчас с ним происходит. Найдет свое счастье в какой-нибудь местности и, может, даже познакомиться с какой-нибудь симпатичной соседкой... Неважно — главное, что он будет просто Егором.

Он вспомнил, как был горд, когда только стал зрителем. Тогда ему казалось, что он в полной мере понимает свою миссию и готов принять на себя весь груз ответственности. Теперь же он не знал, что делать дальше. Хотелось бросить все это, стать обычным человеком — и это выглядело настоящим фиаско! Как он мог после стольких лет, после всего, что увидел и узнал, оказаться таким слабаком?

До самого дома Егор так и не смог найти ответа на этот вопрос. Припарковав велосипед, он, словно не слыша приветствующий его женский голос, молча дошел до своего кресла, сел и, едва успев почувствовать, как умная мебель трансформируется в подобие кровати, провалился в спасительное, восстанавливающее небытие.

После отдыха ему стало намного лучше. Удалось привести мысли в порядок и даже частично вернуть прежнее чувство безмятежности. Оседлав свой побитый временем велик, он первым делом направился к Лео.

— Да уж... — философски изрек старик, выслушав длинный рассказ друга, и затянулся трубкой.

— Я помню, — виновато кивнул Егор, — ты меня предупреждал...

— Не в этом дело, Егорушка. Мало ли кто кого предупреждал. Просто мы, люди, странные существа — в личных делах учимся только на своем опыте, постоянно набивая шишки.

Зритель промолчал, не найдя, что сказать в ответ.

— Думаешь, я не прав? — Леонард покосился на его кислую физиономию.

— Не знаю я, что тут думать, — буркнул Егор.

— О чем я и говорю, — проворчал старик и, собравшись с мыслями, стал объяснять: — Все это — наш мир — прямое доказательство, что

человечество, обобщив свой опыт, смогло построить нечто грандиозное. То есть коллективное мы в состоянии осмыслить, переварить и использовать. Но почему в собственных чувствах, куда более древних, чем цивилизация, каждый из нас продолжает блуждать, как в потемках?

Лео замолчал и несколько раз затянулся своим любимым табаком.

— Думаешь, ты первый или последний оказался в этом капкане? Полагаешь, мои или чьи-то еще слова остановили бы тебя?

— Наверное, нет, — задумчиво ответил Егор.

— Даже без «наверное», — подтвердил старик. — Это вечная история того, как голова не может противостоять сердцу.

Они просидели пару часов за разговорами и чаем, а потом Егор, попрощавшись с прежним зрителем, отправился дальше по дороге.

В этот раз долину он пересек непривычно быстро: больше его тут ничего не держало, в том числе и опустевший двухэтажный дом на одной из центральных улиц небольшого поселка.

Егор притормозил лишь в портовом городе — с глупой надеждой, что Марина будет стоять где-нибудь возле дороги, иначе тут ее никак не найдешь. Он спешил на том же месте, где оставил девушку неделю назад. Сойдя с дороги, прошел пару кварталов и оказался на маленькой уютной площади.

Немного осмотревшись, Егор купил мороженое в небольшом пестром киоске и, сев на лавочку, стал разглядывать проходящих людей. Надежда была призрачной, но он все же сидел и смотрел. Мимо шли счастливые, веселые горожане; кто-то обсуждал, чем заняться после работы, кто-то просто прогуливался... Шелестели золотой листвой посаженные по краям площади деревья. В этой местности царила вечная осень, причем в своей самой красивой поре, когда растительность окрашена в теплые цвета. Для Егора это было по-своему символично.

На площади удивительным образом сочетались брусчатка мостовой, черные фонари в готическом стиле и, как ни странно, вполне гармонирующие с ними футуристичные здания из стекла, бетона и пластика. Кем бы ни был архитектор этого места, он смог мастерски объединить здесь прошлое и современность.

Вот бы и Егору так же профессионально объединить две своих противоречивых черты: ответственность зрителя и человеческое бунтарство! Впрочем, сейчас ему не хотелось об этом размышлять, хотелось просто сидеть и бездумно наслаждаться протекающей мимо жизнью...

Три часа в парке показались вечностью, но и они закончились. Погрузившийся в вечерний мрак город остался позади. «Теперь уже все равно...» Егору стало несколько легче от этой мысли. Завтра Марина ничего не вспомнит, и даже если они встретятся, то она его просто не узнает.

Может, это и к лучшему? Она будет счастлива в этом шумном и прекрасном городе, а Егор продолжит колесить по миру в надежде, что однажды она снова захочет выйти на дорогу. Тогда они снова смогут

поговорить, пусть недолго, и пусть она затем снова все забудет — главное, что он услышит ее голос и сможет сказать, как скучал...

— Сочувствую, друг мой, — произнес Леонард. — Но это, скорее всего, к лучшему.

— Может быть, — еле слышно выдавил из себя Егор и уже громче добавил: — Мне от этого не легче.

Старик лишь вздохнул и затаился трубкой: было понятно, что любая реплика будет бесполезна.

— Я понимаю, что веду себя глупо и нерационально, — нарушил тишину Егор.

Лео лишь засмеялся в ответ, а отсмеявшись, пояснил:

— Хорошо, что ты это понимаешь, но разве не проще перестать вести себя неразумно?

— Я и пытаюсь, — вздохнул Егор, совсем не обидевшись на друга.

Обижаться был смысл только на себя, ведь его задача как зрителя помогать людям, а не мучить себя и других.

— Знаешь, я благодарен тебе, что ты меня не бросил. Что приезжаешь каждый раз и тратишь время на такого ворчуна, как я, — начал Леонард. — Я-то свою «тень» отпустил уже через пару месяцев. Бедняга был знатным занудой, а мне совсем не хотелось слушать его нравоучения и многословные истории...

— Пстой-ка, — перебил его озадаченный Егор, — помнится, ты мне говорил совсем другое.

— Разве? — Лео почесал переносицу. — Ах да, давно это было! Ты же тогда только стал зрителем. Если бы я правду сказал, то ты, поди, оставил бы меня.

— Лео! Что за глупые мысли! Мало ли что там было. Я всегда ценил тебя за твой ум и жизненный опыт.

— Может, ценил, а может, терпел старого ворчуна. Дело-то не в этом, а в том, что «тень» и нужна зрителю, чтобы было с кем поговорить. Что я могу тебе советовать? Когда ты встречаешь на дороге человека, то сам лучше, чем кто-либо, знаешь, куда его отвезти, в этом сущность зрителя. Те, кого ты направляешь, как амебы — счастливы, но быстро все забывают. О чем с ними можно поговорить? Есть, конечно, такие уникамы, как твоя Марина, но даже она обречена забывать...

Лео прервался на новую затяжку, потом сказал:

— И чтобы от общения с этими амебами зритель не слетал с катушек, ему и дается «тень». Ты поступил мудро, а я настрадался, отпустив свою «тень». Можешь себе представить, приезжал в разные места, бродил там и говорил с местными, а собеседник зрителя всегда начинает вспоминать...

Старик печально улыбнулся.

— Ох и попортил я настроение разным людям! Впрочем, они все равно всё забыли. — Лео фыркнул и продолжил уже нравоучительным тоном: — К чему я это. Марина твоя тебя забудет и станет жить как

ни в чем не бывало, а вот тебе с этим смотреть. Забыть, конечно, не предлагаю: все равно не сможешь. Но придумай себе какое-то занятие, отвлекись от нее, а там уже время подлечит.

Лео замолчал, и они какое-то время сидели, погружившись каждый в свои мысли.

Наконец Егор поднялся:

— Что же, спасибо за совет, Лео.

— Если ты больше не вернешься, то я пойму... пока не забуду, — с легкой грустью произнес старик.

Уже направившийся к выходу зритель замер.

— Брось, Лео! Я если на кого и обижен, то только на себя, — сказал он, не оборачиваясь. — Просто мне нужно подумать в одиночестве.

Подумать он решил на той же площади, где в прошлый раз ел мороженое. Сейчас сюда его привела даже не столько надежда увидеть Марину, сколько желание почувствовать ту же безмятежность, что и в прошлый раз, просто глядя на проходящих мимо людей.

Конечно, появившись тут Марина, он бы был очень рад ее увидеть, но не побежал бы к ней — наоборот, постарался бы скрыться с ее глаз, так как уже решил для себя, что, как зритель, не имеет права на какие-то личные отношения, кроме душевных бесед с Лео.

Выждав чуть больше часа, Егор вернулся на дорогу и поехал отдыхать. Уже через сутки память Марины о нем невозможно будет восстановить. Конечно, при личной встрече он будет вызывать у нее какие-то воспоминания, связанные с дорогой, но вряд ли что-то кроме них. Впрочем, это действительно к лучшему.

Егор почувствовал облегчение, даже несмотря на тяжесть потери.

Портовый город с тех пор стал его излюбленным местом. Теперь он заезжал сюда постоянно, сразу после визитов к Лео. Иногда покупал что-то съедобное все на той же площади, но чаще просто сидел на лавочке и смотрел на гуляющих людей.

Между тем за последнее время появились еще двое вышедших на дорогу. С одним зрителю пришлось изрядно помучиться, прежде чем нашлась удовлетворившая его потребности местность. Это помогло Егору войти в прежнюю колею, и он надеялся, что это действительно рабочие моменты, а не попытка системы помочь ему справиться с кризисом.

Впрочем, вряд ли система стала бы так заботиться о зрителе. Если бы с ним все было так плохо, его бы просто заменили или активировали ему в помощь еще одного. В ранние времена на дороге одновременно дежурили больше десятка зрителей, и им совсем не приходилось скучать. Тогда у зрителей даже не было «теней» — зачем, если можно пообщаться с коллегами.

В общем, все шло своим чередом. Егор, смирившись, не забывал о Марине, но больше не искал с ней встречи. Все же он пристрастился

к отдыху на площади, для него это стало своеобразной традицией и возможностью почувствовать себя частью городской жизни.

Вот и в этот раз он просто сидел на лавочке в тени старого разросшегося дуба и думал о чем-то далеком и приятном. Поэтому даже вздрогнул, когда к нему вдруг кто-то обратился:

— Смотритель... Егор!

Он поднял взгляд и обомлел.

— Марина...

— Да, это я! — просияла девушка.

— Но... как? Откуда? — изумленно спросил он, чувствуя, как быстро забилось сердце.

Такого не бывает. Люди не вспоминают его просто так, для этого он первым должен к ним обратиться. Однако Марина стояла перед ним, веселая и прекрасно понимающая, кто он такой, это читалось в ее взгляде.

— Не знаю, — честно призналась она. — Просто утром проснулась, все вспомнила и увидела, как наяву, что ты сидишь тут на лавочке. Вот и прибежала.

Несколько секунд Егор просто сидел и любовался ею. Какая все же она красивая! А он ведь стал даже забывать ее образ... Сколько времени-то прошло? Почти год, где-то полсотни его дней.

Марина села рядом и спросила:

— А ты что тут делаешь? Просто сидишь?

— Ага, — только и смог ответить он.

— Так и не смог забыть, я рада. Но у меня есть к тебе одна просьба. — Она улыбнулась и уставилась на него совершенно невинно, но при этом беззастенчиво.

— И чего ты хочешь? — удивленно спросил он, не ожидавший от нее такой напористости.

— Хочу прокатиться на твоём велосипеде, — заявила она. — Когда шла сюда, видела, он лежит там, на дороге.

— Ясно. — Егор сразу все понял и почувствовал невероятное облегчение. Встав с лавки, он протянул ей руку: — Пойдем.

Они шли, держась за руки, по дубовой аллее, под колышущейся золотой листвой, а перед ними в недоумении расступались люди, словно чувствуя, что они не простая парочка. Егор ощущал себя очень счастливым. Впрочем, где-то на краю сознания у него появилась мысль, что это все игры системы и что он не желает Марине той участи, к которой она стремится. Он ведь отпустил ее и дал ей нормальную жизнь совсем не для этого. Но теплая и нежная рука, сжимавшая его ладонь, оттесняла эту мысль куда-то глубоко, заполняя его счастьем.

Когда они вышли на дорогу, Егор все же замер рядом с велосипедом и остановил Марину, развернув лицом к себе.

— Подожди! Прежде чем ты возьмешь велик... Знаешь, к чему это приведет?

— Нет, — совершенно спокойно ответила она.

— Ты станешь зрителем вместо меня. Ты это понимаешь? — взволнованно спросил он.

— Так это же хорошо! — восторженно ответила Марина и, потянув его за руку, добавила: — Пойдем скорее!

Егор вдруг отчетливо вспомнил, как сам шел забирать велосипед у Лео: тогда ничто не могло его остановить. Уж точно не какие-то слова — так в их сознание вмешивалась система. Хорошо это или плохо — решать не ему. Для той задачи, для которой система создавалась, такое вот подавление свободы выбора было вполне оправданно. В любом случае не ему, с его мелочными проблемами, вмешиваться в этот сложный процесс.

Егор отпустил Маринину руку и, подняв с земли велосипед, наклонил его к девушке со словами:

— Бери, теперь он по праву твой.

Она произнесла:

— Спасибо! — и взялась за руль.

Как только Егор передал ей велик, тот сразу заискрился и стал меняться. Буквально через десяток секунд Марина держала за руль уже не старый, побитый временем велосипед, а новенький стильный электроцикл.

— Что с ним случилось? — удивленно спросила она. К ней, судя по голосу, вернулось прежнее трезвомыслие.

— Так и должно быть, — ответил Егор. — У Леонарда тоже был велосипед, но не такой, как у меня. Он так же изменился, когда я впервые его взял.

— Это даже не велосипед, — разглядывая транспортное средство, констатировала Марина.

— Дорога подбирает людям тот транспорт, который отражает их внутреннюю суть, — повторил Егор слова Лео, когда-то сказанные ему.

Марина принялась изучать новую игрушку. Затем села, сделала пару кругов, вернулась к бывшему зрителю и спросила:

— Полагаю, теперь я должна отвезти тебя куда пожелаешь?

— Верно, и теперь я становлюсь твоей «тенью». Иначе говоря, пока ты навещаешь ко мне, как я к Лео, я буду все помнить. Забывать начну только через четыре недели, на шестую стану обычным человеком, как все остальные. Даже если ты после этого приедешь ко мне, я буду помнить только то, что произошло накануне, как ты после возвращения с горы, — по-деловому пояснил Егор.

— Поняла, — ответила девушка и неожиданно улыбнулась: — Ирония в том, что теперь мы меняемся ролями. Твоя очередь страдать, дожидаясь встречи.

— Да, — грустно согласился он. — Если, конечно, ты захочешь приезжать ко мне.

— Перестань.

Она спешила и подошла к нему. Они обнялись.

Марина тихо произнесла:

— Дурашка, я же люблю тебя. — Затем, выдержав значительную паузу, отстранилась и спросила: — Так куда тебя отвезти?

— Отвези к Лео. Он уже завтра все забудет, но у нас еще есть время поговорить. Да и я смогу с ним снова подружиться, уже как обычный человек.

— Хорошо, поехали.

Она села на свой байк, Егор устроился сзади и обнял ее за талию.

— Держись крепче, это не твой дребезжащий велик! — хохотнула Марина и так резко рванула с места, что Егор едва удержался в седле.

— Ты видишь дорогу? — уже второй раз переспросил Лео.

— Вижу, — спокойно произнес Егор, понимая, почему так удивлен и встревожен его друг.

— Эх... — тяжело вздохнул старик, сегодня даже не притронувшийся к своей любимой трубке. — Я привык ее видеть постоянно. Она была так красива на закате! Самое печальное, что завтра я об этом и не вспомню.

— Не печалься, я буду описывать тебе то, что вижу.

— Стараюсь не печалиться. — Леонард снова вздохнул и улыбнулся, как бы говоря: «Плохо получается».

Некоторое время они просто тихо сидели, смотря на уходящую вдаль серую ленту дороги. Вернее, Егор видел дорогу, а Лео — лишь быстро теребящуюся в зеленых зарослях тропу.

— Знаешь, а я рад, что получилось именно так, — нарушил тишину старик. — Я иногда думал, как это будет. Что зритель когда-нибудь передаст свои полномочия другому — и я просто все забуду. Обидно.

Он встал, подошел к столу и начал набивать трубку. Егора это успокоило: значит, Лео возвращается в норму.

Вернувшись в кресло и сделав несколько затяжек, старик сказал:

— А потом — ваша с Мариной история, вроде бы такая обычная, но, наверное, самая трагичная за последние несколько сотен лет нашего мира...

Заметив выражение лица Егора, он взмахнул трубкой и заявил:

— О, поверь, я не преувеличиваю! Да ты и сам должен понимать, ну не считать же настоящей жизнь остальных.

— Почему же нет? Они все живут вполне нормально.

— Да брось! — Лео хихикнул. — Тут все создано, чтобы они были счастливы, какие уж тут трагедии. Чуть что не так — они бегут на дорогу.

Егору оставалось лишь кивнуть в знак согласия.

— Вот я и говорю, все неплохо получилось, конечно, вы лишь поменялись ролями. Но поверь, как «тень» ты будешь переносить разлуку куда проще. Так что я рад за вас, и мне не так печально уходить.

— Я завтра приду к тебе в гости — знакомиться.

— Хотелось бы мне это увидеть! Зная мой сварливый характер...

— Ты это не только увидишь, но еще и обложишь меня матюгами, — заметил Егор.

Оба засмеялись, представив себе эту картину.

— Вот что, — произнес, успокоившись, Лео, — у меня в баре, в самом углу, прикрытый простыми бутылками, марочный коньяк. Такого уже, наверное, и не достать... В общем, тащи, лучше случая уже точно не представится.

— Ого, уже бегу! — И Егор, встав, направился к бару, отмечая про себя, что прощание со старым другом проходит куда лучше, чем он думал.

Марина выжимала из своего нового транспортного средства максимум, летя по дороге на дикой скорости. Стоило ей только оставить Егора, как на нее нахлынули воспоминания — воспоминания, которых она не ждала и совсем даже не хотела. О старой жизни, такой старой, что, казалось, была даже не совсем ее. О том, где она, что вокруг и почему все это происходит. Похоже, у нее потекли слезы, не от жалости и уж тем более не от горя, скорее от переизбытка нахлынувших самых разнообразных чувств, пришедших с воспоминаниями. Она не знала, плакать ей или смеяться, и, чтобы хоть как-то справиться с этим, давила на ручку газа все сильнее, заставляя электродвигатель урчать на предельной громкости.

Наконец дорога закончилась, уткнувшись в приземистое здание, наминавшее ангар. Возле двери уже была стойка для парковки ее байка. Загнав электроцикл в зарядное устройство, Марина вытерла слезы и направилась внутрь. Она оказалась на светлой дорожке, идущей через темную бездну, полную звезд, и, оглядевшись, медленно пошла вперед.

— Приветствую нового зрителя, — раздался мелодичный женский голос. — Я Аура, ваша помощница на все время вашего дежурства.

— Очень приятно, Аура, — машинально произнесла немного опешившая Марина.

— Мне тоже очень приятно. У вас есть вопросы или просьбы?

— Да, — почти не задумываясь, ответила зритель. — Покажи мне меня, если можно.

— Конечно, можно, — ответила Аура и попросила: — Сделайте несколько шагов вперед.

Марина послушалась — и оказалась в огромном зале, заполненном рядами белоснежных капсул, одна из которых была прямо перед ней. Девушка сделала еще несколько шагов, подходя ближе.

На капсуле светилась зеленая надпись: «Марина Белова, состояние превосходное». Окошко капсулы стало прозрачным, и девушка, как в зеркале, увидела саму себя.

Впрочем, нет, не как в зеркале: лицо той, что в капсуле, было безмятежно расслаблено, а глаза закрыты.

«Похоже, мне потом придется скинуть несколько килограммов», — подумала Марина, разглядывая более округлые черты той себя, что лежала в капсуле.

— Внешность можно синхронизировать, — произнесла Аура.

— Нет, не надо. Сейчас я себе более привычна.

Постояв еще немного, Марина сделала несколько шагов в сторону, рассматривая огромные стеллажи капсул.

— Так сейчас выглядит пассажирский отсек, — услужливо пояснила Аура. — Из двух миллионов человек погибло сорок восемь, что много ниже предполагаемых потерь.

— Как долго мы уже летим? — спросила Марина.

— Пройдено семьдесят три процента пути за четыреста шестьдесят восемь лет и шесть месяцев. Состояние «Надежды» хорошее, повреждение обшивки не более восьми процентов, все системы функционируют штатно. Оценка вероятности успеха достижения Шедар — сто процентов.

— Спасибо, Аура.

Зал с капсулами померк, и Марина вновь оказалась на тропе посреди бесконечного звездного неба.

— Это трансляция с внешних камер корабля, — пояснила Аура. — Но я могу заменить ее любимыми земными пейзажами.

— Не стоит, Аура.

— Как пожелаете, — ответил компьютер и, когда перед девушкой из пола вылезло эргономичное кресло, предложил: — Присядьте, смотритель. Вам необходим длительный отдых для снижения нагрузки на нервную систему во избежание ее повреждения.

— Спасибо, — автоматически ответила Марина и подошла к креслу.

Но не торопилась сесть. То, что она вспомнила, было невероятным для нее, живущей в этом мире, но и для той, что жила до посадки на корабль, происходящее тут казалось очень странным. Словно девушку разделили на две личности, с опаской смотрящие друг на друга, хоть и понимающие, что они одно целое.

Зато теперь она знала главное — что именно происходит. Для длительного межзвездного перелета всех людей на корабле погрузили в своеобразный стазис, при котором все процессы организма замирают, словно встают на паузу, способную длиться если не вечно, то несколько тысяч лет. Проблема была лишь в одном: сознание человека, поставленное на паузу, уже через десять лет деградировало до такого состояния, что выдержанный из стазиса человек был словно младенец. Попытки как-то обойти эту проблему в конце концов свелись к тому, что человека в состоянии паузы подключали к компьютерной системе и он, продолжая жить в виртуальном мире, оставался самим собой.

Вот только если речь шла о сотнях лет полета, то никакие компьютеры не могли выдержать полностью загруженное в них сознание тысяч человек. Тогда был придуман гениальный ход: люди в симуляции, получив личностную матрицу, проходили очистку памяти. Периодически память точно подчищалась. Все, что не было нужно для гармоничного существования сознания, стиралось, и это позволяло, экономя ресурсы системы, сохранять личность по завершении стазиса.

Для «Надежды» также был придуман хитрый способ отбора людей по специализациям. Виртуальный мир разделялся на множество зон, в которых моделировались разные условия. Люди с определенными

личностными качествами, необходимыми для их специализации в отряде колонистов, приживались в такой местности, где структура их психики и профессиональные навыки закреплялись и оттачивались.

Смотрители дороги были модераторами этого процесса. Выбираемые так же по определенным качествам, они полностью сохраняли свою память и помогали остальным определиться с тем, какая зона им больше подходит в данный момент. Всех тонкостей процесса — например, зачем смотрители вызывали задержку стирания памяти — Марина не знала. Впрочем, это было и не особо важно, главное — она знала, как и зачем система работает. — Можно еще вопрос? — спросила она Ауру.

— Конечно, смотритель.

— Что будет со всей памятью, полученной людьми во время полета?

— По первоначальному плану она должна была просто очищаться, — ответила Аура, затем добавила: — Но подобный вопрос я очень часто слышу от смотрителей, поэтому перед выходом на орбиту целевой планеты все смотрители будут реактивированы и им будет предоставлено достаточно времени для решения этой проблемы. Вы удовлетворены ответом?

— Вполне.

— В таком случае рекомендую вам отдохнуть.

— Хорошо, я так и сделаю. Но прежде можешь сказать, почему я?

— Вы соответствовали требованиям, — сообщила Аура и, немного помедлив, все же добавила: — Я поняла, что вы хотите знать, смотритель. Состояние тех, кто становится смотрителями, отслеживается точно так же, как и остальных людей. Когда смотритель становится несчастен, он заменяется на другого подходящего кандидата.

— Да, но это не ответ на мой вопрос.

— Разве вывод не очевиден?

— Возможно, но я хочу получить четкий ответ.

— Хорошо, — сдалась Аура. — К сожалению, замена на другого смотрителя не сделала бы Егора счастливым. Став «тенью», он бы продолжал все помнить, и, чтобы это исправить, нужно либо менять правила, либо искать выход в рамках существующих. Проверив ваши параметры, я выяснила, что вы подходящий кандидат на роль смотрителя, а ставший вашей «тенью» Егор весьма быстро вернется в состояние душевного равновесия.

— Все так просто... — Марина усмехнулась и спросила: — А что произойдет, когда подойдет моя очередь становиться чьей-то «тенью»?

— Я привыкла решать проблемы по мере их появления, а ваши отношения не поддаются долгосрочному анализу, — заявила Аура и потребовала: — Настоятельно рекомендую вам отдохнуть. Индекс вашей личности неуклонно приближается к критическому. Отдых позволит вам собрать себя воедино.

Марина вздохнула и села в кресло, чувствуя, как оно распрямляется, превращаясь в подобие кровати, а затем ее сознание стремительно скользнуло в водоворот сна.

Найти Егора оказалось несложно: он занял ее дом в долине. Марина припарковалась у обочины и вышла к стоящему на крыльце возлюбленному.

— Ну как, мозгораздирательный был «вечер»? — дружелюбно поинтересовался Егор.

— Еще какой, — ответила Марина и невольно потянулась пальцами к вискам. — У всех зрителей так?

Он кивнул и добавил:

— Лео вроде рассказывал, ходили слухи, что пара зрителей не пережила этого.

— Ого, а что Аура сказала?

— Сказала, это лишь слухи. — Егор пожал плечами. — Но гарантий, что она не врет, нет.

— Это ты меня так подбодрить хочешь? — Марина нахмурилась.

— Нет-нет, что ты! — Он заулыбался. — Просто глуповато пошутил.

Марина тяжело вздохнула и, чтобы сменить тему, поинтересовалась:

— Здесь будешь жить?

— Да, если ты не против. Дом хороший, мне нравится.

— Конечно, живи. Это лучше, чем если он будет пустовать.

— Пойдем внутрь, я обед приготовил. А то стоим на улице, привлекаем внимание...

— Давай, я как раз проголодалась.

Обед оказался достаточно вкусным. Приготовил его сам Егор или это была доставка, Марина из вежливости уточнять не стала. Главное, за едой они болтали о том о сем, пока разговор как бы случайно не коснулся Леонарда.

— И как там Лео? — поинтересовалась Марина.

— Как тебе сказать... В тот момент, когда замахивался на меня палкой и кричал что-то о гнусных нарушителях чужого покоя, — выглядел грозно. Хотя потом мы с ним таки подружились, — бодро стал рассказывать Егор. — Он сам придумал план. Перед тем как потерять память, отдал мне свою трубку: мол, я ее нашел на тропе, когда проходил мимо его дома. Как ни странно, сработало и сильно помогло для восстановления дружеских отношений с новым Лео. Я уже пару раз навещался к нему, поболтали вполне по душам.

— Это хорошо. Я знаю, как тяжело терять старых друзей. — Марина ощутила грусть, в памяти всплыли картины столь давно минувших дней, что даже стало не по себе.

— Марина, ты чего? — заметив ее состояние, забеспокоился Егор.

— Да так, вспомнилось кое-что, — успокаивающе ответила девушка и, чуть подумав, вдруг спросила: — А ты зачем полетел в космос?

— Глупо, наверное. Хотел чего-то нового, увидеть иной мир...

В общем-то, это и все.

— Почему же глупо? Вполне понятная цель. Все мы в той или иной степени любопытны.

— Это да. Но также и глупы.

Марина посмотрела на него вопросительно.

— Я хотел извиниться за те свои визиты. — Егор опустил голову. — Я не до конца понимал, каково это — ждать целую неделю, маяться, особенно если твоя память потихоньку исчезает. Последнее до конца в полной мере я не смогу понять, но видел, как это было с тобой, и видел, что стало с Лео. Я бы никому такого не пожелал! Но я приезжал и мучил тебя так долго... даже не представляю, как ты можешь теперь так спокойно со мной говорить.

— Оставь, — произнесла смотритель. — Это правила системы. Мы прекрасно знаем, зачем они такие и для чего установлены. Просто мы все люди, а значит, так или иначе будем пытаться их ломать.

— Но я вел себя крайне эгоистично, — зачем-то возразил он.

— Возможно. Но я бы не сказала, что смотрителю так уж легко: я села в кресло и забылась, оставив тебя со всеми проблемами и мыслями на целую неделю. Только когда испытаешь это сам, понимаешь, насколько тебе тогда тоже было непросто.

— И сколько мы теперь так продержимся?

— Думаю, столько, сколько нужно, а потом, когда прибудем на место, надеюсь, сможем начать уже все по-настоящему в новом мире.

— Ты уверена, что не разругаемся? — с тревогой спросил Егор.

— Я ни в чем не уверена, — ответила Марина с легким возмущением. — Ни в том, что кто-то из нас не умрет или сможет нормально выйти из стазиса. Даже в том, что корабль завтра не взорвется. И что теперь? Все бросить, замкнуться в себе и ждать у моря погоды?

— Нет, — ответил он, немного помедлив. — Конечно, нет. Если уж упал с горы, почему бы не попытаться полететь?

— Именно. Мало ли что там будет дальше. Может, нам все же сотрут всю память о полете... Может случиться что угодно, но, если мы не будем пытаться делать то, что считаем правильным, кем мы тогда будем?

Егор согласно кивнул и не нашел что ответить, поэтому Марина продолжила:

— Знаешь, я уже однажды бежала от своей жизни. Бежала настолько далеко, насколько смогла. — Она грустно вздохнула. — А теперь куда мне бежать отсюда? При всем желании некуда, да я и не хочу уже, иначе придется убегать всю оставшуюся жизнь.

— Ты права, тут остается убегать только от себя. И сейчас только мы двое на этом корабле можем этого не делать.

— И не будем, — твердо заявила Марина. — Может, я и не знаю, что именно нас ждет в будущем, но я знаю, что будет завтра — я встану из кресла и поеду к тебе, и, пока корабль летит, у нас впереди еще двести лет этой «муки»...